

А.И. Смолик
(Минск),
Масако Тацуми
(Минск)

Чосонман

«Японские полномочные и свита одеты были по-прежнему очень парадно. Тсутсуй и Кавадзи объявили, что они имеют вручить письмо от верховного совета. “Пожалуйста, где оно?” – спросили их. “А вот, – отвечали они, указывая на окованный железом белый сундук, какие у нас увидишь во всяком старинном купеческом доме, и на шелковый, с кистями, тут же стоящий ящик. – Кто примет письмо?” И. А. Гошкевич, по приказанию адмирала, вышел на середину. Церемониймейстер с поклоном подошел и открыл шелковый ящик» [3, с.172–173].

События, описываемые известным русским писателем И. А. Гончаровым в очерке «Фрегат “Паллада”», происходили 4 января 1854 г. в японском городе Нагасаки во время переговоров российского посольства во главе с Е. В. Путятиным с представителями японского правительства. Переговоры завершились успешно: 7 февраля 1855 г. в Симодэ был подписан первый русско-японский договор. В соответствии с Симодским трактатом японское правительство предоставляло России право назначать консула в открытые порты Симода и Хакодатэ. Заинтересовала фамилия Гошкевич, которая созвучна белорусским фамилиям. Не наш ли он соотечественник? Ответ нашелся. И. А. Гончаров на страницах очерка, описывая И. А. Гошкевича, называет его малороссиянином, т.е. украинцем [2, с. 194]. Какое-то чувство подсказывало, что это не совсем так. Начались поиски в белорусских энциклопедических справочниках. В справочнике «Мысліцелі і асветнікі Беларусі» опубликована небольшая статья А. П. Грицкевича, в которой шла речь об Иосифе Антоновиче Гошкевиче. В ней говорится, что он этнический белорус [5, с. 393–394]. Поиски привели также в Информационный центр японской культуры в Минске, возглавляемый госпожой Масако Тацуми. Оказалось, что имя нашего славного земляка хорошо известно в Японии, что общественность этой страны готовится широко отметить 160-летие начала дипломатической работы И. А. Гошкевича в Японии. Его разностороннюю деятельность на территории Японии основательно

исследовали Аба Масами [1], Мотоки Сэйго [7], Токутоми Интиро [8] и др. Вместе с госпожой Масако Тацуми мы решили рассказать белорусам о нашем выдающемся соотечественнике, жизнь которого полна невероятных приключений, грандиозных научных открытий и самобытной, яркой культуры японского народа.

Исследователи его научной, дипломатической и педагогической деятельности склонны считать, что родился Иосиф Антонович в 1814 г. в Минском уезде в семье священника [4; 10]. Э. Г. Щеглов отмечает, что Иосиф был молчаливым ребенком, любил уединение, мало показывался на людях и много времени проводил среди голубей на сельской колокольне [10]. После окончания приходской школы образование продолжал в Минской духовной семинарии. Помимо духовных книг увлекся чтением сочинений Державина, Карамзина, Лермонтова, Симеона Полоцкого. После окончания семинарии в числе двух лучших учеников был направлен на учебу в Санкт-Петербургскую духовную академию. В период обучения в академии И. Гошкевич попытался перевести Ветхий Завет с древнееврейского языка, что считалось ересью. За это юношу строго наказали, выслали за пределы России. Он был включен в состав 12-й русской духовной миссии в Пекин, где пробыл 9,5 лет. Любознательный молодой человек не ограничивает себя только религиозными обязанностями. Иосиф Гошкевич основательно изучает духовную и материальную культуру китайцев, их язык, обычаи и обряды, увлекается естествознанием. В Китае он собрал, описал и систематизировал виды насекомых, что стало основой ценной коллекции. Проводил систематические астрономические и метеорологические наблюдения. Материалы, собранные в Китае, послужили основой для серии научных публикаций в петербургских сборниках научных работ. В них были опубликованы статьи о шелководстве, приготовлении туши, белил, румян, о китайских счетах. Находясь в Китае, одаренный юноша изучил несколько восточных языков – китайский, маньчжурский, корейский, монгольский. В. Гузанов утверждает, что он овладел также и японскими иероглифами, умел их написать, не хватало лишь разговорной практики [6, с. 28]. Вскоре такая возможность представилась. Как лингвиста, владеющего восточными языками, его пригласили на службу в Министерство иностранных дел драгоманом (переводчиком) в Азиатский департамент.

В середине XIX в. Россия стремилась установить дипломатические и торговые связи с Японией, которая два с половиной века

всячески ограждала себя от контактов с иностранцами. С этой целью в 1852 г. решено было послать в страну Восходящего солнца дипломатическую экспедицию во главе с адмиралом Е. В. Путятиным, который обратился в Азиатский департамент с просьбой откомандировать в его распоряжение двух драгоманов. С согласия императора Николая II в состав экспедиции включили И. А. Гошкевича и архимандрита Аввакума. Миссии Путятина предстояло выполнить ряд сложных задач: открыть японские порты, заключить договора о дружбе и торговле, а также решить вопрос о границе между Японией и Россией.

Чувства участников экспедиции точно передал И. А. Гончаров на страницах очерка «Фрегат “Паллада”»: «Хоть бы японцы допустили изучить свою страну, узнать ее естественные богатства: ведь в географии и статистике мест с оседлым населением земного шара почти только один пробел и остается – Япония. Странная, занимательная пока своею неизвестностью земля...» [3, с. 8]. Волнения членов миссии были понятны. Ведь до середины XIX ст. тщетно пытались проникнуть в нее представители США и европейских государств. Никому не удавалось склонить японское правительство к сотрудничеству ни золотом, ни оружием, ни хитрой политикой. Японцы ускользали от «ферулы цивилизации», жили своим умом, своими законами, упрямо отвергали дружбу, религию и торговлю чужеземцев.

Несмотря на большие сомнения в успехе экспедиции, 7 октября 1852 г. фрегат «Паллада» отчалил от Кронштадта в кругосветное путешествие к берегам Японии, которое длилось десять месяцев. Экипаж фрегата обогнул Африку и Азию. Преодолев штормы, ураганы, штили, зной и холод, болезни, 10 августа 1853 г. экспедиция достигла порта Нагасаки. Иосиф Антонович трудно переносил плавание, как вспоминал И. А. Гончаров, он страдал морской болезнью. Гончаров пишет об этом в своем очерке: «Вдруг показался в дверях своей каюты И. А. Гошкевич, которого мы звали переводчиком. Бледный, с подушкой в руках, он вошел в общую каюту и лег на круглую софу. Его мучило. Он не знал сна, аппетита. Полежав там пять минут, он перешел на кушетку, потом сел на стул, но вскакивал опять и нигде не находил покоя. Жертва морской болезни с первого выхода в море, он возбуждал общее, но бесполезное участие» [2, с. 87]. Однако несмотря на это наш соотечественник вел активный образ жизни. Во время путешествия он изучал быт, нравы, обычаи,

религию народов, проживающих в странах Атлантических тропиков и Тихого океана. Иосиф Антонович вместе с некоторыми товарищами по путешествию совершил первую русскую экспедицию вглубь Южной Африки. Там он вел этнографические наблюдения, собирал произрастающие на этой территории растения, фотографировал местных аборигенов, занимался геологией. Заход «Паллады» в Шанхай дал ему возможность пополнить свою библиотеку книгами по истории Китая. Вместе с офицерами фрегата «Паллада» Гошкевич принимает участие в описи берегов Кореи и Русского Приморья, на острове Сахалин ведет переговоры с японцами, находящимися в Аниве. Гошкевич исследовал также флору и фауну Африки и Азии. Так, вынужденную стоянку судна на мысе Доброй Надежды он использовал на изучение минералов этого региона. Это не преминул отметить в очерке И. А. Гончаров: «Тут Гошкевич расположился снять фотографические виды и взять несколько образчиков камней» [2, с. 211]. За время путешествия им была собрана большая коллекция флоры и фауны Индокитая, Филиппин, Кореи и Японии. Одновременно он серьезно готовился к встрече с представителями японского правительства. За десять месяцев плавания драгоман основательно изучил все имеющиеся на судне письменные источники по этой загадочной стране, много времени уделял совершенствованию японского языка, ибо от точности перевода диалога с партнерами во многом зависел успех миссии.

По прибытии в Нагасаки русской дипломатической миссии больше года пришлось убеждать японских чиновников в необходимости переговоров. «Фрегат, на котором находилась миссия, пишет В. Гузанов, несколько раз покидал и снова возвращался в порт Нагасаки, но всякий ее приход не приносил желаемого успеха. Японцы, наделенные правом вести переговоры, находили предлог и уклонялись от подписания договора» [6, с. 28]. И только осенью 1854 г. уполномоченные японского верховного совета согласились сесть за стол переговоров с русскими. Немалая заслуга в этом была драгомана И. Гошкевича. Об этом писал директору Азиатского департамента Л. Г. Сенявину глава экспедиции адмирал Е. В. Путятин: «Присутствуя постоянно при всех моих свиданиях с японцами и корейцами и занимаясь как изустными, так и письменными переводами с русского на китайский и с китайского на русский язык, он сверх того был беспрестанно употребляем на разные посторонние его прямой

обязанности поручения. Нельзя было избрать чиновника с большими достоинствами и притом столь скромного, который бы до такой степени удовлетворял цели своего назначения» [9, с. 505].

И. А. Гончаров оставил также немало лестных отзывов о Гошкевиче. В частности, он отмечал его виртуозность как переводчика-универсала. При попутном посещении островов Рюкю писатель наблюдал его общение с тамошними жителями, «ликейцами», наречия которых, естественно, никто из русских не знал. Писатель характеризовал Иосифа Антоновича как мягкого, доброго человека, который «невозмутимо покоен в душе и со всеми всегда одинаков...» [3, с. 202].

22 ноября 1854 г. в порте Симода в храме Гёкусэндзи началось долгое и изнурительное обсуждение проекта русско-японского трактата, заранее переданного для изучения японской стороне еще в Нагасаки. В процессе переговоров стойкость миссии решила испытать и природа. 11 декабря на Симодскую бухту, где находился фрегат, обрушилось небывалой силы цунами. Судно было сорвано с якорей и сильно повреждено. Тяжело пострадал и город Симода. Переговоры были временно приостановлены. Паузу в переговорах решили использовать для ремонта фрегата в более спокойной бухте Хэда. Однако внезапно налетел мощный ураган, и судно затонуло. При помощи жителей и рыбаков прибрежных городов Симода, Фудзи команде удалось спастись. Членам миссии в виде исключения местные власти разрешили поселиться на берегу. В этих экстремальных условиях И. А. Гошкевич проявил себя с лучшей стороны. Как единственный переводчик, он сумел наладить дружественные контакты с местными властями и населением, которые обеспечивали членов миссии продовольствием и всем необходимым для поддержания жизнеобеспечения и сооружения шхуны «Хэда».

Спустя некоторое время переговоры возобновились и завершились успешно подписанием 26 января 1855 г. дипломатического и торгового трактата между Россией и Японией, положившего начало официальным межгосударственным отношениям. После долгих проволочек японское правительство вынуждено было дать Путятину письменное подтверждение права наибольшего благоприятствования для России.

В 1858 г. царское правительство готовилось открыть российское консульство на острове Хоккайдо, наиболее близком к дальневосточным границам России. На должность консула, по сути

первого русского посла в Японии, по рекомендации Е. В. Путятина был назначен И. А. Гошкевич.

За семь лет (1858–1865) пребывания в Хакодате И. А. Гошкевичу многое удалось сделать. Были построены консульский дом, морской госпиталь, православная церковь, открылась школа русского языка, организовано подсобное хозяйство в деревне Камида. Гошкевич обучал японцев фотографии, шитью одежды европейского покроя, выпечке хлеба, приготовлению молочных продуктов и солений. В 1865 г., возвращаясь в Россию, Гошкевич позаботился о том, чтобы японские юноши поехали для получения образования в учебные заведения Санкт-Петербурга. Над первой группой учеников, состоявшей из шести человек, Гошкевич шефствовал до ухода в отставку в июле 1867 г.

Муниципалитет г. Хакодате тоже не остался в долгу перед первым российским консулом в Японии. Один из заливов в Японском море назван именем Гошкевича (Чосонман). В мае 1989 г. здесь был открыт бюст-памятник, созданный народным художником СССР, скульптором Олегом Комовым и переданный безвозмездно городу. В Хакодате до настоящего времени существует и активно поддерживает культурный диалог японского, русского и белорусского народов общество имени И. А. Гошкевича.

1. *Аба, Масами.* Хакодате тюсацу Рокку рёдзи Гасукэвити (Гошкевич, русский посол в Хакодате) / Масами Аба. – Токио: Рэкиси тири, 1920. – С. 141–146.

2. *Гончаров, И. А.* Фрегат «Паллада». Собр. соч. : в 8 т. Т. 2 / И. А. Гончаров, подгот. текста и коммент. К. И. Тюнькина. – М. : Худож. лит., 1978. – 334 с.

3. *Гончаров, И. А.* Фрегат «Паллада». Собр. соч. : в 8 т. Т. 3 / И. А. Гончаров, подгот. текста и коммент. К. И. Тюнькина. – М. : Худож. лит., 1978. – 526 с.

4. *Грицкевич, В.* Беловолосый консул / В. Грицкевич // Нёман. – 1973. – № 1. – С. 179–183.

5. *Грыцкевіч, А. П.* Гашкевіч Іосіф Антонавіч (1814–5.10.1872) / А. П. Грыцкевіч // Мысліцелі і асветнікі Беларусі : энцыкл. даведнік / Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск : БелЭн, 1995. – С. 393–394.

6. *Гузанов, В.* Первый русский консул в Японии / В. Гузанов // Япония сегодня. – 1998. – Июнь. – С. 28–29.

7. *Мотоки, Сэйго*. Хоппо торай / Сэйго Мотоки. – Токио, 1961. – 227 с.

8. *Токутоми, Интиро*. Кинсэй Нихон кокуминси (Новая история японского народа) / Интиро Токутоми. – Токио, 1936. – 418 с.

9. *Файнберг, Э. Я. И. А.* Гошкевич — первый русский консул в Японии (1858–1865 гг.) // Историко-филологическое исследование: сб. ст. к 70-летию Н. И. Конрада. – М. : Наука, 1967. – С. 505–508.

10. *Щеглов, Э. Г.* Иосиф (Осип) Антонович Гошкевич / Э. Г. Щеглов // [minds. by / seminary / znam vipuskniki / goshkevich. html](http://minds.by/seminary/znam_vipuskniki/goshkevich.html) 4.07. 2012.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ